

Роман Чёрный

У меня нет брата

Роман Чёрный
У меня нет брата

«Издательские решения»

Чёрный Р.

У меня нет брата / Р. Чёрный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834518-0

«У меня нет брата» — сборник тревожащих и жутких историй из тех, что время от времени всплывают в самых разных уголках Сети. Рассказы людей о том, что было... или только могло бы быть. Это правда? Или просто ужастики на ночь? Решайте сами. Бывает ли вам страшно так же, как и мне?

ISBN 978-5-44-834518-0

© Чёрный Р.
© Издательские решения

Содержание

У меня нет брата	6
История на женском форуме	11
Ледяные принцессы	13
Плетеный человечек	16
Окна домов	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

У меня нет брата

Роман Чёрный

© Роман Чёрный, 2016

© Darren Ketchum, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-4518-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У меня нет брата

Не бывает нормальных людей, которые, идя по жизненному пути, не волокли бы с собой ворох горьких сожалений о сделанном (или не сделанном) ими. Считается, что это нормально, и я не собираюсь спорить. Если же вам повстречается человек, не сожалеющий ни о едином своём поступке, мой вам совет: бегите от него что есть сил.

Моя ноша сожалений, как вы ещё убедитесь, тяжела чрезвычайно. Я расскажу вам об одном поступке, совершенном мной в детские годы. Это тяготит меня и поныне. Вероятно, я ничего не добьюсь, представив его на ваш суд. Но, надеюсь, кому-то станет немного легче, когда он поймет, на сколь более страшные ошибки способны другие. Видите ли, у меня нет брата. Однако в августе 1991 года брат у меня еще был.

Родители каждое лето сплавливали нас, пацанву, в жуткую глушь, в деревню к Бабушке по линии матери, как минимум на месяц. Мотивировали это необходимостью потребления нами даров природы и чистого воздуха. На деле всё, конечно, было прозаичнее: родителям хотелось от нас отделаться и отдохнуть самим.

Эти поездки оставили в моей памяти двоякое впечатление. Конечно, было много хорошего и интересного. Малышне есть чем развлечь себя в деревне, вы и сами прекрасно это знаете. Зато ощущение безмятежного лета сильно портила нам Бабушка. Я пишу это слово с прописной буквы не просто так. Наша Бабушка была максимально далека от образа доброй сказочной бабуси, что напечет пышек и расскажет на ночь сказку. Откровенно говоря – и спустя годы я понимаю это ещё отчётливей – Бабушка была отвратительной, полусумасшедшей злобной мегерой, свёдшей в могилу своего тихого и покладистого мужа.

Дедушку нашего я почти не помню. Брат был старше меня на три года, и запомнил его гораздо лучше, всегда отзывался о нём с теплотой. Возможно, в этом и была причина того, что если ко мне Бабушка относилась ещё сравнительно терпимо, то брата – откровенно ненавидела. Тем сложнее мне понять эгоистичную позицию наших родителей, год за годом отдающих нас на попечение этой старой и больной женщины. О, они были в курсе ее характера, особенно отец. Но на все протесты ответ был один: «Ну-ну, не выдумывайте», «Слушайте бабушку, она старенькая, не расстраивайте её». Я боялся Бабушку до судорог.

Тем летом нам с братом было 9 и 12 лет соответственно. Андрею, как старшему, вменялось в обязанность следить за мной, потому мы практически всё время проводили вместе. Других детей нашего возраста в деревне было мало, и мы довольствовались теми играми, которые выдумывали для себя сами: домик на дереве в лесу за домом, пираты на самодельном плоту, кража малины из соседского сада – традиционный мальчишеский набор. Бабушка ввела предельно строгий распорядок дня, и боже упаси вас его нарушить. Для понимания: она не стеснялась братья за хворостину, если мы опаздывали к столу хоть на минуту, достаточно быстро выполняли ее поручения в огороде или ходили «куда не надо», о чём ей становилось известно от болтливых соседок. «Не надо» было практически никуда, под запретом оказались лес, трасса, большой овраг, соседняя деревушка, заброшенные коровники, сельпо на перекрестке и, конечно, река. Каждый вечер мы рассказывали ей байки о том, как невинно провели день: взявшись за руки, прогуливаясь на лугу и собирая землянику. «Ну, смотрите мне, сорванцы», – скрипела она, прищулив глаз. – «Всё равно всё вызнаю, если врёте».

Дела шли своим чередом, когда в один из дней нам «повезло» отыскать пещеру.

Два дня подряд, почти не переставая, лил дождь. Приключения Тома Сойера были прочитаны, а маленький чёрно-белый телевизор показывал преимущественно помехи, как ты

ни изгаляйся с воткнутой в гнездо антенны проволокой. Исследовать один и тот же чердак по сотому разу было не интересно, а попытку смастерить качели, перекинув через потолочную балку канат, Бабушка категорически пресекла. Находиться с ней в одном доме было почти физически тяжело. Поэтому, стоило только тучам разойтись, мы с воплями вырвались на свободу. Получили нагоняй за вопли и были отпущены «к лешему» ввиду того, что мокрый огород не требовал полива.

Окольными путями, ежеминутно опасаясь слежки, мы добрались до широкого, заросшего лютой крапивой оврага, через который когда-то давно упало дерево. Это дерево и опасность «обстрекаться», упав с него вниз, сами по себе давали понятный повод для развлечений. Вся деревушка стояла на высоком (действительно очень высоком) холме, круто обрывавшемся к реке. Овраг полого уходил в том же направлении, и был в некоторых местах не менее десятка метров глубиной. На дне его вас ждала прохлада, тень, журчащий ручей и неизбежные царапины и крапивные ожоги, не говоря уже о полчищах комаров. Одна из сторон оврага была примечательна ласточкиными гнёздами – туда мы и направились, сперва по скользкому после дождя стволу дерева, а потом, с не меньшим риском свернуть себе шеи, под песчаным краем обрыва, усеянным гнёздами-норками. Какое-то время мы пытались разглядеть что-то в гнёздах (нашли скелет птенца), а потом галдящие ласточки внезапно напали на нас, налетев стаями, задевая крыльями волосы и лицо. Не ожидая от глупых птиц такой прыти, я совершил неверное движение и с криком покатился вниз.

Когда, цепляясь за кусты и траву, ко мне осторожно спустился Андрей, я уже рассматривал своё открытие, забыв о дюжине свежих царапин и рваной футболке. Часть глинистого склона (я докатился примерно до его середины) как бы сползла вниз под собственным весом, открыв взору узкую горизонтальную щель всего полметра шириной. В щели было темно. Из щели дуло. Может, щель была там и раньше, но, скорее всего, это двухдневный ливень спровоцировал оползень. Великая удача для юных исследователей.

Мы рылись в земле до самого ужина, и расширили щель настолько, что мне удалось пролезть внутрь. Почти сразу пещера расширялась в подобие камеры, этакий грот со стенками из влажной холодной глины, где можно было свободно сидеть. Света не хватало, но я разглядел, что узкий проход уходит дальше и, вроде бы, делает поворот.

Отмываясь возле уличной колонки, мы с братом поклялись не рассказывать о находке ни единой живой душе. Трудно передать наш азарт первооткрывателей. Вдобавок, теперь у нас был самый секретный в мире штаб. Это лето обещало стать интересным.

На протяжении двух недель, обманывая Бабушку, мы наслаждались нашей тайной. У нас был заряжающийся от розетки фонарик, а копательный инструмент (старые мотыги и совок) был коварно похищен из сарая. Каждый день мы, соблюдая всю возможную конспирацию, забирались в прохладу пещеры, во входном гроте которой организовали штаб: сделали запас съестного, выровняли и покрыли картонками пол, вырезали в стенах полки и ниши для парочки свечей из ближайшего сельпо.

Основной задачей для нас было найти, где заканчивается пещера – сквозняк однозначно указывал на наличие второго выхода. Из грота вел узкий и кривой лаз, поначалу более чем достаточный для мальчишки, но дальше сужавшийся. Мы ползли по нему друг за другом. Фонарик был только один, и он вручался тому, кто сегодня лез первым. Понемногу мы расширяли туннель и забирались всё дальше и дальше по земляной кишке, но дело шло медленно: мы проходили где-то метр-полтора за один день, с трудом проталкивая назад накопанную глину. Потом приходилось вслепую ползти обратно, ногами вперед – и это было гораздо сложнее. Ширина лаза не превышала ширину детских плеч, и в этом темном, клаустрофобически-узком пространстве было крайне сложно даже глубоко дышать, а тем паче орудовать совком. Несколько раз случалось, что кто-то из нас застревал в этой норе, и это нагоняло на нас

страху. Но каждый раз, ёрзая и отталкиваясь вытянутыми вперёд руками (опустить руки вдоль тела было невозможно, зацепиться тоже не за что), удавалось сдать назад, после чего раскопки и расширение тоннеля продолжались.

Трудности не останавливали нас. Мы тщательно картографировали пройденный путь на двойном тетрадном листе, а по ночам шёпотом обсуждали планы на завтрашний день. В целом пещера шла дугой вправо, как бы стремясь вернуться в овраг, и вниз. Нам встретилось одно ответвление, но оно заканчивалось тупиком (обвалом) буквально в паре метров от основного ствола.

Спелеологические изыскания продолжались, пока однажды громче обычного сопящий за моей спиной брат не сказал приглушённым голосом: «Погоди... Я застрял».

Возможно, в случившемся есть моя вина. Я шёл первым в тот день, мы были на расстоянии метров восемнадцати от входа в пещеру. Мне так не терпелось поскорее продвинуться дальше попавшегося нам сложного участка с выступающими камнями, что я не позаботился как следует о расширении туннеля в этом месте, а сам пролез вперёд. Брат... он был крупнее меня. Он застрял в узком месте и не мог ничего поделывать, вообще ничего.

Паниковать мы начали не сразу. Но когда спустя час Андрей не смог сдвинуться ни на сантиметр вперед или назад, испробовав все наши приемы, в его голосе появились истеричные нотки, а я старался шмыгать носом потише.

Спустя три часа (наверху было далеко за полдень) мы оба, отчаявшись, рыдали взахлёб и что есть силы кричали «на помощь» – безо всякого смысла на такой глубине. Я умолял Андрея попробовать ещё раз схватиться за мою ногу, чтобы я протащил его вперед, но он кричал, что ему больно, что он задыхается. Чтобы я ему помог. Я старался светить на него, но сам не мог даже оглянуться, чтобы на него посмотреть – мы распластались под толщей земли, и теперь затея с исследованием пещеры совсем не казалась мне такой хорошей. Скорее всего, грунт просел над ним под собственным весом. В какой-то момент, в иступлённой попытке вырваться из тисков, он немного повернул корпус – и застрял уже окончательно, заблокировав путь назад и мне. Мы оказались в ловушке, и никто не знал, где мы.

Андрей был всё же старшим. Постаравшись успокоиться сам, он объяснил свой план. Наш единственный шанс был в том, чтобы я полез вперед и добрался до второго выхода, а потом позвал на помощь. В общем-то, ничего другого нам просто не оставалось, хотя надежда на успех была крошечной. Но у меня были совок и фонарик, а туннель впереди, насколько хватало света, немного расширился. Мы договорились перекрикиваться каждую минуту, и я стал пробираться вперед, извиваясь подобно земляному червю.

Паника и отчаяние затуманили мои воспоминания, я помню лишь как бесконечно полз, и полз, и полз вперед, раздирая руки, колени и одежду. Крики брата из темноты позади меня становились все тише, пока не превратились в бессмысленные, искаженные эхом глухие завывания. Я охрип и больше не пытался кричать в ответ. Впереди показался свет. Я выбрался из земли, разбрасывая комки сырой грязи, у самого дна того же самого оврага, в его начале, рядом с ручьем и кучей мусора, который годами сбрасывали вниз жители окрестных домов.

Расплакавшись от счастья, я с трудом поднялся на ноги и осмотрел себя. Ужасно. Нужно спешить за помощью – но куда? И... что скажет Бабушка? Она убьет меня. Убьет нас обоих, совсем. Подняв размытый от слёз взгляд, я увидел голову Бабушки над краем обрыва. Она глядела прямо на меня, грязного и жалкого нарушителя всех её правил, и какие же злые были у неё глаза. От шока я потерял сознание.

Открыв глаза, я увидел над собой темнеющее небо. Мы пропустили время ужина. Всё тело болело. И тут я понял, что просто не могу. Я ни за что не смогу рассказать Бабушке (мне,

конечно, просто почудилось, что я видел её наверху), что мы делали и что произошло. Да, я трус, ужасный трус. Но тошнота подкатывала к горлу при одной только мысли о признании. Я уже говорил, что очень боялся её. Теперь вы понимаете – насколько. Боже правый, я был всего лишь напуганным ребёнком!

Хотя, конечно, это всё просто дешёвые оправдания. Моясь в одиночестве под колонкой, я клялся себе, что завтра спасу брата сам.

– Где твой брат? – Скрипучий, как пара ржавых дверных петель, голос – спокойный и какой-то холодный. Ни слова про мой вид или про опоздание. Я вжал голову в плечи.

– Не знаю, мы поссорились и гуляли отдельно. А он что, ещё не пришёл? – Жалкая, очевидная ложь.

– Ещё нет. Мой руки и ешь. Тарелка на столе.

Больше не было сказано ничего. Я долго ворочался в кровати, представляя своего брата там, в плену холодной земли, словно похороненного заживо. Мне снились кошмары.

Утром мне нашлась работа в огороде, отлынивать было невозможно. Я собирал в баночку колорадских личинок под тяжёлым немигающим взглядом Бабушки, сидевшей на крыльце в своем кресле. Сумев улизнуть только после полудня, я понёсся огородами к оврагу.

Едва забравшись в грот, я услышал завывания и стон. Я кликнул брата и полез к нему, подобравшись к подошвам его кроссовок.

Господи, как же он был мне рад. Спрашивал, когда будет помощь, и почему так долго, и собрались ли взрослые с лопатами, ещё что-то про верёвку – Андрей говорил вздохнул, смеялся и стучал ногами. Он провел в туннеле уже сутки. И ночь – один, в полной темноте.

Запинаясь, я объяснил ему, что помощи пока не будет, ну то есть будет, вот я ему сейчас и помогу, вытащу его, у меня и фонарик заряжен... Какое-то время он молчал, а потом ударил меня ногой по лицу. Я отполз назад, как мог старался его убедить, что так всем будет лучше. Он согласился. У него не было особого выбора.

Я ковырял землю так и этак, сбегал за длинной тлякой, тащил его за ноги под ужасные крики боли. Пробрался с другой стороны, через выход у ручья, и когда мы оказались лицом к лицу, он плюнул в меня. Я делал подкоп под его грудью, говорил выдохнуть и тянул. Принес ему свечи и спички, чтобы в его пещере (да, я уже называл про себя это место «его пещерой») был свет – ведь фонарик я уносил с собой. Принёс брату воды и пару яблок, потом таскал еду с Бабушкиной кухни.

Но я так и не смог его вытащить. Ни в этот день, ни в последующие.

На второй день моих попыток спасти брата он клялся, что убьёт меня, как только выберется отсюда. Рассказывал, как будет ломать мне пальцы на руках один за другим, как будет выкалывать своим перочинным ножом мои глаза. Я плакал, и он тоже. Я ковырял землю, но моих сил не хватало. «Помоги мне!» – кричал он. – «Помоги!!». Выбираясь ногами вперед из пещеры, чтобы успеть ко времени ужина, я слышал, как кричит и смеется в её глубине брат.

Проведя ещё одну ночь в пещере, Андрей перестал проклипать меня, только тихонько скулил и не желал выпускать из руки оставшийся у него огарок свечи. Жадно пил воду. Умолял рассказать всё Бабушке. Умолял, но как-то уже без надежды. Извинился за то, что сказал, что я ему больше не брат. Мы за всю жизнь не говорили так, как в тот день, при свете тусклой лампочки среди узких стен. За ужином Бабушка сказала, что раз Андрей так и не вернулся, надо вызывать милицию.

Грех малодушия – самый страшный из грехов.
И, как вы уже поняли, я так никому и ничего не сказал.

Половина населения деревни согласилась принять участие в поисках моего брата. Я солгал, будто последний раз видел его за огородами возле леса. Лес прочесали, нашли наш домик на дереве. Андрея не нашли. Когда я пришел к пещере брата, он уже потратил последние свечи, что мне удалось для него найти, и никак не отреагировал на моё появление. Мне подумалось, что в его измождённом грязном лице с выпученными полубезумными глазами пропало что-то по-человечески очень важное. Кажется, он слизывал влагу со стенок и жевал глину – я видел кругом следы ногтей и зубов. Я сказал, что не принес ему еды, потому что так он быстрее похудеет и сможет выбраться. Андрей безо всякого интереса согласился, что это разумно. Когда я уходил, он не издал ни звука, только лежал там и не отрываясь смотрел мне прямо в глаза. Я полз назад на ощупь, держа фонарь, и всё глядел на его удаляющееся лицо, пока оно не скрылось за поворотом туннеля.

На следующий день приехали смурной отец и заплаканная мама. Я сидел в своей комнате – мне строго-настрого запретили выходить. Милиционер и отец расспросили меня снова, что произошло. Мне было противно врать, и было противно от того, что в глубине души я радовался, что сумел избежать наказания. Но радовался всё равно. Четыре дня продолжались поиски, приходили и уходили, сопровождаемые тяжёлым Бабушкиным взглядом, какие-то люди. Наконец, вечером, мама подошла, обняла меня и сказала, что мы едем домой. Утром папа довезёт нас до станции. Я упросил её дать мне последний раз погулять одному, хотя бы несколько минуток.

Я прокрался ко входу в грот и сидел там довольно долго, не решившись залезть внутрь, чтобы не испачкать привезённую мамой новую одежду. Из черной дыры раздавалось едва слышное пение – точнее, мычание без слов. Там, глубоко под землёй, мой брат в темноте и одиночестве напевал какую-то песенку.

Утром мы уехали.

Сейчас мне тридцать пять лет, у меня есть жена и сын. Мама совсем старенькая, я привожу ее к нам по праздникам. Брата у меня нет. Как и отца: второй инфаркт в 2010; думаю, он до самого последнего дня что-то подозревал. Бабушка умерла в 2003, её деревенский дом никто не купил. Я ездил туда год назад: бревно через овраг сгнило и упало. Я спустился к тому месту, где начиналась пещера брата, постоял: ничего, только поросшая травой земля. Память вернула мне ту самую, странную мелодию, напеваемую без слов.

И кстати, отвратительная старуха всё знала. Наша грязная одежда и земля в волосах – она ведь следила за нами. Я видел её в тот день над обрывом. Она поставила одну тарелку на стол, когда я вернулся домой. Она знала, что происходит.

Но ей никогда не нравился Андрей.

История на женском форуме

У меня есть лучшая подруга Светка, еще с института. Стальная баба, на первых вскрытиях у нас вся группа робела, включая мужиков. А она – ничего, надо значит надо. И так во всём. Всю дорогу мы вместе: и она меня не раз выручала, и я её. Всегда умела меня подбодрить, если жизнь поворачивалась жопой. Много чего с нами было, и хорошего, и плохого. А на той неделе мы похоронили её дочь.

Света зубы жжала, сделала все как надо. Могилка, венки, поминки. Стол накрывали у меня – к кладбищу ближе. Танечке только-только восемь исполнилось. Неудачно упала на детской площадке, и никто не виноват особо, и даже до больницы не довезли. Света держалась, всем молча кивала, попу денег в руку сунула, чтобы отпел хорошо. Дождалась, пока все разойдутся, только потом повисла на мне и разревелась. Сидели на кухне до ночи, уж я наслушалась: и какая Таня была хорошая, послушная и умница. В жизни никого не обидела. Как несправедливо всё бывает. Всё верно говорила, но что толку? Девчонка была золотая, смешливая, я ведь с ней часто сидела, пока мать по делам да по больницам. А на детской площадке, куда качели вкопаны – там бетон, ну вот и...

Светка все о своем: как день рождения вот праздновали, какую барби ей купила. В городишко наш приехали аттракционы: обшарпанные вагончики, пара квёлых зверей в клетках – «зоопарк». Сходили. Танечке особенно комната смеха понравилась (коридоры с кучей зеркал, во всех отражаешься – убежала вперед, хохочет: «Мам, мам, смотри, я везде!») и облезлый тигр. Никогда живого тигра не видела. Света хотела её в свой отпуск в Москву свозить, в настоящий зоопарк и на карусели, уже деньги откладывала, а оно вон как повернулось. Психанула моя Светка. Немудрено. Утром молча собралась и домой ушла.

Пару дней тихо было, а потом начала звонить под вечер. Мол, и смех её дочкин из спальни мерещится, и помаду её кто-то спрятал. И зовёт её Таня, как стемнеет, чуть слышно. По всему нервы сдали. Я её к себе зову, тяжело ведь одной: мнётся, молчит. Ну что тут сделаешь, это надо просто переболеть. Время лечит.

А вчера просыпаюсь среди ночи от звонков в дверь. Молоток взяла с полки, он там специально лежит, открываю: Светка на пороге, растрёпанная, в каких-то сандалях и халате. Через половину города бежала ко мне в таком виде.

Отпаивала её водкой, сигареты достала, окно открыла. На третьей рюмке её прорвало, рассказывает: в спальне у неё большое трёхстворчатое зеркало стоит, от покойной матери осталось. Спит и слышит сквозь сон, как Таня зовёт: «Мам, посмотри, мам, ну посмотри-и!». Приподнялась на кровати, ночник включила: а в зеркале её Таня, во всех трёх створках разом. В синем платье, в котором они на аттракционы ходили. Смеётся. «Мам, смотри! Я – везде!»

Света лампу в зеркало кинула и бежать. В гостиной в «стенке» зеркало за сервизом: «Мам». В прихожей зеркало висит: «Ну мамуль, посмотри». Как до меня добежала не помнит.

Не уснула, а отключилась на диване. Я тоже спать пошла. Утром встала, написала ей записку и поперлась к ней проверять масштаб разрушений. Вдобавок она же квартиру нараспашку оставила, мало ли что. А с такими проблемами пусть пока у меня поживёт, заодно и вещей ей сумку соберу. Нельзя ей сейчас одной, дура я, что отпустила после поминок.

В квартире бардак, причём застарелый. Прошлась – ну вроде нормально все, ничего не пропало. Трюмо в спальне – то да, расколочено. Собрала осколки, кучу посуды в раковине перемыла, цветы полила. Набрала ей одежды в чемодан наугад, пусть сама потом разбирается. Ключи с крючка снимаю, выхожу уже, сумку поставила, чтоб дверь закрыть. И слышу из квартиры. Голосок знакомый, звонкий такой:

– Тётькать, а мама скоро вернётся?

Ледяные принцессы

Наша страна велика, как учат школьники на уроках географии, однако значительную часть ее территории составляют места, где жизни вообще нет, а если и есть – то по недоразумению. Бескрайние сибирские леса, ледяные пустоши... Нормальные люди часто вообще не понимают, зачем кому-то жить там.

В девяностых, будучи молодым, горячим и толком не знавшим еще жизни человеком, я жил и работал в одном из таких мест. И покинул его навсегда после того, как случилась невиданная для наших краев, грязная и отвратительная история. Вы первые услышите ее.

Речь идет о моем родном поселке Тура, что в эвенкийском АО. Крошечный райцентр с населением в несколько тысяч человек, он стоит на «перекрестке рек», на вечной мерзлоте, со всех сторон окруженный бесконечными сопками и тайгой без малейшего намека на цивилизацию, не считая кучки далеко разбросанных факторий. Машины с номерами из этого региона нечасто увидишь в столицах – собственно, доехать до Туры невозможно большую часть времени, так как даже дороги туда не ведут. Только с холодами люди расчищают зимник, и этого события, как праздника, ждут целый год.

Я не буду рассказывать о непросто́м быте местных жителей, этом ежедневном выживании посреди пустоты, вы можете почитать об этом и сами. Летом край бывает безбожно красив, все так, но для меня годы жизни там, хоть и не были плохи, слились в памяти в бесконечную череду лютых, непредставимых для жителя центрального региона зим. Обжигающий холод, лёд и снег, и где-то посреди этого иссиня-белого пространства – затерянная даже во времени горстка еле тлеющих окон домов, вот что такое наш поселок. Белого вокруг столько, что иногда, лишь бы увидеть яркие краски, хотелось ногтями выцарапать собственные глаза.

Цепь событий, о которой я готов вам рассказать, началась одной из таких вот сибирских зим. Из отдаленного поселка, продираясь сквозь снежную стену, в райцентр по полузанесенному зимнику ехал автомобиль. По такой погоде, да на легковушке – почти самоубийство. Водитель, скорее всего, гнал. Водителем был мужик, везший заболевшую дочь в нашу больницу. Его отговаривали кто только мог, но никакой санавиации нет в наших местах, а заболевшая не пойми чем девчонка буквально за пару дней превратилась в тень. Местный фельдшер в недоумении только разводил руками. Отчаянный мужик положил ее на заднее сиденье и стал прорываться к нам – в нашей больнице был даже педиатр. Неслыханная роскошь, говорю без малейшей иронии. Была бы у него хотя бы «нива»... Скорее всего машину попросту сдуло с дороги, и он разбился о кучу лежащих метрах в десяти бревен. Нашли его на следующий день, когда ветер подутил. Пришлось раскопать сугроб, в который превратилась машина. Его ноги зажало от удара, на окоченевшем лице застыл крик, а в рот набился снег. Двери – нараспашку. Девочку не нашли в машине. Пошла за помощью для папки, но что больная полуголая пацанка могла сделать ночью в буран? Короче, прочесывали сопки еще несколько дней (участвовал и я), но так и не нашли тело. Может и слава богу, так я тогда думал.

А через месяц кто-то подбросил видеокассету в ящик для предложений у администрации, где я работал кем-то типа зама и секретаря местного руководства. В том же здании сидело заксобрание, а в отдельной пристройке – вся немногочисленная местная милиция, и с одним опером мы водили дружбу: выпивали время от времени беленькую то у него на кухне, то у меня (чаще у меня, я жил один с тех пор, как мать отошла, а он человек семейный). От этого опера я и знаю некоторые детали дела, которые никогда не оглашались, плюс не вздумайте недооценивать сарафанное радио в таких маленьких городках. Короче говоря, я видел эту кассету. Лучше бы не видел, это тошнотворное тревожное чувство меня преследует, я не могу

забыть, хотя и хотел бы. Запись велась в темноте, единственный свет давала яркая подсветка самой камеры. Запись была ужасно пересвечена и с характерными искажениями, камера тряслась. Видео состояло из серии съемок, на которых пропавшая с месяц назад девочка (та самая, из машины, что быстро установили) голой позировала на фоне убогого и грязного совмещенного санузла. Девочка выглядела здоровой и постоянно улыбалась и зачем-то высовывала язык, задирая тощие ноги и замирая неподвижно в крайне неестественных позах, глядя в объектив. Звука не было, только тихое шипение. Меня все это откровенно напугало, что-то еще не так было с этой записью, помимо очевидного: в Туре завелся маньяк-педофил.

Поселок взволновался. Мужики собирались на сход. Все вычисляли мразь, пошли разные пересуды, и людей можно понять. Слухи ходили самые дикие, а тех, кто в городе появился недавно, стали откровенно прессовать. Ситуация накалилась до опасной, милиция как могла искала маньяка, но никого так и не арестовали, несмотря на приезд «чинов» и подкрепления. Мой друг-опер стал больше пить. Постепенно страсти все же улеглись, а девочку и похитителя так и не нашли.

Прошел год, и на следующую зиму две сестры 10 и 12 лет пропали по пути домой из клуба, где у них вечером был кружок. Буквально половина города прочесывала сопки и ближайший лес, но не нашли никаких следов. Вспомнили про маньяка. Народ просто возлютовал, милиционеры старались на людях не появляться, но делали что могли. Ни свидетелей, ни следов, ни намеков.

На севере туго с питьевой водой, поэтому зимой на застывших участках рек пилят лед и продают его небольшими кубиками. Так вот, спустя пару недель кто-то выпилил куб льда и увидел в его середине застывшую детскую ладошку. На то, чтобы достать оба тела, ушел целый день. А еще через два дня в ящике появилась новая видеокассета. На ней были все три пропавшие девочки. Все в той же ванне. Улыбались, высовывали языки, позировали. Город охватило бешенство. Как только прошел слух – то есть почти сразу – люди вломились в отделение, где тогда находился и я. Люди были готовы линчевать, толпа хотела крови – если не ублюдка-убийцы, то хотя бы нерадивых ментов и чинуш. Я серьезно считаю, что тогда разъяренные люди, с каждым из которых я был много лет знаком, могли меня разорвать. Сибиряки – народ простой и в целом мирный, но... Вы все понимаете и сами. Нас спас мой друг-опер. Он рассказал, что после первого случая выбил у начальства финансирование и лично ездил в область за оборудованием: на чертов ящик для предложений уже давно смотрела камера, закрепленная на столбе через дорогу.

Того, кто положил в наш ящик пленку, узнать на записи было не трудно. Через пять минут милиция выбила хлипкую дверь в квартиру местного глухого дурачка, безбидного мужика, которого подкармливали оставшаяся родня и сердобольные соседи. Он был не совсем уж слабоумным, мог даже немного говорить, хотя речь его больше напоминала невнятные мычания. Он считался всеми абсолютно безвредным. Знаете, мне показалось, что он очень обрадовался, когда к нему ворвалась толпа. Плакал, лыбился и хватал за одежду. Тыкал пальцем по направлению к ванной комнате и мычал своё: «ээоо оиии! оиии! эээоо... памаие!». Нашлась в квартире старая камера и еще несколько кассет. В ванной, заполненной снегом и льдом, принесенными, видимо, с улицы, лежал еще не успевший окоченеть труп девочки, пропавшей в прошлом году.

Я не стал смотреть, как слабоумного убивали. Переглянувшись с опером, мы кивнули на дверь прекрасно понимающим ментам. Курили внизу. Довольно скоро как-то примолкшие и оробевшие люди стали выходить по одному из подъезда. Некоторые кивали нам, про-

чие просто смотрели под ноги, направляясь по домам. Не было сказано ни слова, ни тогда, ни позже. Мы не могли остановить людей. И, если честно, не хотели.

Назавтра я поехал с отчетом в центр. Не сказать, что все было гладко, но дело явно собирались спустить на тормозах. Погода испортилась, начался очередной буран, и зимник даже в свете мощных фар просматривался не далее чем на метр. Я остался в центре на неделю. Когда снег из жалящих роев злобных пчел, то и дело меняющих направление атаки, превратился в пасторально опускающиеся снежинки, прервавшуюся телефонную связь восстановили. Первым мне дозвонился мой друг. Тела трех девочек оставались в холодной комнате при больнице. Похоронить их мешала погода, к тому же в вечной мерзлоте не выдолбить могилу: у нас обычно делали трактором земляной отвал и копали уже в нем. Так вот, дежуривший ночью хирург и трупы пропали. Синего и уже окоченевшего врача, одетого в один халат, по словам опера, нашли почти сразу, по следам от больницы, которые не успело замести: в сопках за десять километров от поселка. На его лице застыл крик. В рот набился снег. Мой друг сказал, чтобы я не возвращался. Он сказал, что от больницы до сопки вели припорошенные следы ботинок врача, да, но еще там были и следы босых детских ног. Кружившие вокруг тела хирурга следы.

Я остался в центре и затребовал перевод. В Туру я больше не ездил никогда, и что там происходило потом – не знаю, и не хочу знать. Мне только не дает покоя мысль, что при моем попустительстве жестоко убили невинного, по всей видимости, человека. Сейчас я живу там, где даже среди зимы снег – большая редкость. Это осознанный выбор. Наверное, по тайным педофильским форумам до сих пор бродят странные записи с широко улыбающимися девочками, стоящими в странных позах. Возможно даже время от времени появляются новые.

Плетеный человечек

В детстве я, наверное, был тем еще маленьким гаденышем. Не могу утверждать определенно, ведь речь идет еще о годах, проведенных мною в детском саду нашего небольшого провинциального городка. Очаровательные детские воспоминания... Но есть среди них воспоминания и другого рода – очень, очень темные. Позвольте угадать: такие есть и у вас. Каким-то образом детство совершенно обычных, нормальных людей оказывается, зачастую, неиссякающим источником как пронизанных светом и теплом картинок, так и самых чудовищных кошмаров, что влияют на человека, осознанно или нет, до конца его дней, преследуя его и даже определяя его судьбу.

Об одном из таких воспоминаний я и хочу вам сегодня рассказать.

Мою детсадовскую группу в те дни объединили с другой, расположенной в другом конце коридора. Возможно, ремонт в помещениях нашей группы был тому причиной. Как бы то ни было, временной группе стало вдвойне веселее, а у нянечек и воспитательниц, надо полагать, прибавилось поводов для головной боли. В новой группе я познакомился с не слишком общительной девочкой по имени Настя. У Насти всегда при себе была удивительная игрушка – человечек, сплетенный целиком из прозрачных (но пожелтевших от времени) трубочек от капельницы. То был закат страны Советов, и у нас только начали появляться замечательные яркие китайские игрушки, имеющие, правда, свойство быстро ломаться в детских руках. Играть в поломанную игру «юный водитель» и строить форты из больших фанерных кубиков быстро надоело. Этот же человечек сразу привлек мое внимание: размером сантиметров в пятнадцать, он был сделан, как мне тогда показалось, с удивительным мастерством. Кто-то явно провел долгие часы за плетением, особенно много трубочки ушло на прямоугольник «тела». Настя сказала, что человечка для нее сделал в больнице ее папа, когда она однажды очень сильно заболела. Короче, я захотел человечка себе.

Однако Настя, девочка ужасно тихая и болезненная, способная целыми днями сидеть в углу и возиться сама по себе, становилась по настоящему опасна, когда речь заходила о просьбах дать поиграть с ее человечком. Я несколько раз подступался с предложениями обменять его на что-то из своих мальчишеских сокровищ, но все впустую, а когда единственный раз попытался отобрать игрушку силой – оказался в медкабинете, в слезах и с кровящей головой. Тихая Настя, одной побелевшей рукой вцепившись в начавшего растягиваться человечка, другой, не задумываясь, обрушила на меня игрушечную кухонную плиту (такую, с конфорочками), сделанную из металла. Помню, как медсестра обсуждала с воспитательницей необходимость наложения швов, пока я в голос ревел, сидя на покрытой клеенкой кушетке.

Я отступился. Но я не был бы маленьким гаденышем, если бы все закончилось на этом. У меня в анамнезе уже было как минимум две кражи, о которых я могу вспомнить, совершенные со всей доступной дошкольнику изобретательностью. Однажды в гостях я нашел в ящике стола калькулятор и забрал его себе (мне хотелось его разобрать), а по пути домой оторвался от родителей и скрылся в кустах возле дома. Там я вытащил батарейки и разбил экранчик камнем, после чего показал калькулятор маме, как будто только что нашел его под окнами. В другой раз я спер у одноклассника игрушку из киндера: мне очень понравился крокодилчик, сидящий внутри яйца, которое можно было открыть. А самим крокодилчиком можно было рисовать. Одноклассник не хотел дарить или меняться – что ж, тем хуже для него.

Так что да, перед такими вещами я не останавливался. И я разработал план. Мне *нужен* был этот плетеный человечек. Но уже не для игры.

В сон-час у нас всегда изымали все игрушки и оставляли их в шкафчиках для одежды в предбаннике. Во время сборов на прогулку я запомнил, какой шкафчик принадлежит Насте (кажется, на нем была нарисована малина). В один из «тихих часов» я отпросился в туалет, дверь в который находилась прямо напротив раздевалки. Не ушло много времени на то, чтобы пробежать до нужного шкафчика и достать человечка, после чего я закрыл дверь в туалет-умывалку и на всякий случай привалился к ней, так как на двери не было никакого шпингалета. На моей голове все еще красовалась огромная шишка от того удара, знаете ли. Так что я с трудом подцепил хвостик трубочки и начал расплетать человечка.

В тот же момент из спальни раздался дикий визг. Визг приблизился *мгновенно* – я не понимаю, с какой скоростью ей надо было бежать ко мне, – и в дверь заколотили с такой силой, что я едва не упал, но тут же собрался и уперся ногой в ближайшую раковину. Я как мог быстро продолжал расплетать трубки. Она больно ударила меня, и не будет ей больше вообще никакого человечка, вот и все.

Настя визжала как сумасшедшая, почти без слов, слышно было только «прекрати», «хватит» и «не надо». Шквал ударов кулаками в тонкую дверцу стал попросту непрерывным. Я закончил с головой и оторвал человечку обе руки. Настя тем временем, видимо, начала врезаться в дверь всем телом, отчего каждый раз между дверью и косяком образовывалась большая щель, хотя я и упирался изо всех своих детских сил. Крики воспитательниц только усилили ощущение неправильности происходящего; да, я очень испугался, но был намерен закончить во что бы то ни стало. Это был вопрос мести или возмездия за ее несговорчивость. Кажется, они пытались оттащить девочку от двери. Я успел расплести верхнюю часть туловища игрушки, прежде чем взрослые силой открыли дверь и отволокли меня в спальню. Хрипевшую и кашляющую Настю прижимали к паласу в раздевалке, так что я увидел только ее взлетающие и колотящие в пол ноги. Еще я увидел красные разводы по всей наружной стороне выкрашенной белой краской двери и шокированные лица вышедших из спальни одноклассников. Красными брызгами был покрыт и халат несшей меня нянечки, а ее лицо стало каким-то плоским от ужаса. Я не понимал, что же там произошло. Не понимаю и сейчас, а догадки предпочту оставить при себе.

Полурасплетенная игрушка осталась у меня, и никто ничего об этом не сказал. Взрослым было не до того. Я закопал ее в углу двора за верандой во время прогулки – после того как понял, что не могу починить ее как было. Настя не вернулась в группу, а потом нас перевели обратно в наше помещение. Воспитательницы ходили мрачнее тучи, родители перешептывались в раздевалке. Шепотом же среди ребят распространялись слухи, что Настя сошла с ума от той болезни, которой болела раньше, а потом умерла, «совсем-совсем» умерла.

Вот и вся история. Все, что я помню. Хотя я не готов сказать наверняка насчет того детского «совсем-совсем». Понимаете, не поставил бы на это, не пошел бы ва-банк. Классе этак в шестом или седьмом я перекопал весь угол территории своего старого детсада, нашел и отмыл половину человечка, сплетенного из трубок от капельниц. Сейчас он лежит у меня на книжной полке. Иногда, особенно когда напиваюсь, я беру его и разглядываю, кручу в руках. Уверен, сейчас я смог бы сплести его заново, «починить как было». Интересно, придет ли тогда за своей игрушкой девочка Настя? Начнет ли стучать в мою дверь?

Окна домов

Сейчас я выложу кое-что, что сам лично предпочитаю считать фантастическим рассказом – это звучит куда разумнее возможных альтернатив, и мне так в целом проще, потому что рассказ этот мне не по нутру. Кто автор – мне неизвестно. Небольшое вступление об обстоятельствах обнаружения этого текста:

Я живу в Москве, и недавно случилось так, что мне потребовалось поехать на другой конец города, чтобы забрать свой заказ из интернет-магазина. А поскольку делать мне было особенно нечего, на обратном пути к метро я заткнул лишние дырки в голове наушниками и принялся нарезать широкие зигзаги по незнакомому району. Есть у меня такая привычка, бесцельно гулять. По пути мне встретился приличный с виду бар, и когда я выбрался из него, уже порядочно стемнело, а я порядочно набрался. Толком не знал, где нахожусь, но, примерно сориентировавшись на местности, выбрал направление вроде бы в сторону станции метро. Не прошёл я и пары километров, как понял, что совершенно напрасно забыл отлить в баре. Что в таких ситуациях делают парни?

Оглядевшись и никого не увидев, я подобрался к стене дома, мимо которого шёл. В грязи газона лежала чёрная пластиковая флэшка, я запросто мог её вообще не заметить. Как долго она там пробыла – не знаю. Из любопытства я сунул её в карман для зажигалки, после чего забыл на пару недель, и обнаружил вновь только позавчера перед стиркой. На флэшке (несмотря на перенесённые невзгоды, она читается, хотя часть фото побилась) я нашёл текстовый файл с названием «дневник. txt» и несколько фотографий. Найти тот самый дом теперь, по очевидным и описанным выше причинам, не представляется возможным (но я всё же попытаюсь на следующих выходных).

Делюсь с вами содержанием текстового файла почти без изменений, я лишь поправил парочку запятых и опечаток там, где это резало глаза.

Дневник

На самом деле это не дневник – я никогда не вел дневников, это было бы неосмотрительно. Этот текст – отчет о событиях последних месяцев. Получится, скорее всего, скомканно и обрывочно, я пишу это на последних своих нервах (вы еще поймете, почему), и времени у меня не так много. Если нашли его – прочтите и распространите. Я не надеюсь на какую-то помощь, но люди должны хотя бы знать. Я даже не очень надеюсь, что это вообще кто-то прочтет. Интернет у меня отключен, покинуть квартиру не могу, поэтому, как только закончу, запишу текст и фотографии на три имеющихся у меня флэшкарты и выкину их из окна. Почти как бутылки с записками, последний отчаянный жест.

I

Я поступил на филфак, как и надеялся. Филфак в столице дал мне счастливейшую возможность покинуть отчий дом. Институт или армия были единственными легитимными способами вообще его покинуть, и если бы я провалил поступление – сам заявился бы в военкомат. Попросил бы отослать меня куда подальше. Сил выносить царящую дома атмосферу у меня почти не оставалось. В армии мне пришлось бы очень жестко, но, поверьте, я был готов рискнуть, лишь бы выйти из под влияния отца. Мой отец – долбанутый психопат и ублюдочный домашний тиран, и я бы ни за что не написал этой правды даже в анонимном послании, если бы у меня ещё оставались надежды вернуться к нормальной жизни.

Итак, я сделал это. Экзамены были профанацией, но я думал, что заработаю сердечный приступ прямо перед доской с фамилиями поступивших абитуриентов. Моя фамилия в списке нашлась.

Родители сняли мне однокомнатную квартиру где-то на задворках вселенной. С одной стороны к дому вплотную подступают гаражи и невнятная промзона, с другой же – дорога, пустырь и лес из таких же панелек с редкими вкраплениями магазинов и детсадов. Мне было наплевать. Я прекрасно чувствовал бы себя и в общежитии, и в любом обгаженном бомжатнике, лишь бы быть предоставленным самому себе. Идею с общежитием (оно мне полагалось как приехавшему издалека) отец отмел сразу: никакого блядства и пьянок для его сына, только усердная учеба. Сразу были налажены (небезвозмездные) контакты с кураторами и деканатом, о любом моем косяке отец узнал бы мгновенно.

Я не знаю хозяина этой однушки и никогда его не видел, отец нашел ее сам, обо всем договорился и платит за нее по карте, так же, как и переводит мне месячное «довольствие» (он бывший военный). Я нахожусь прямо сейчас в этой квартире на восьмом этаже двенадцатиэтажного, длинного, как Левиафан, здания.

II

Я впервые в жизни дышал таким воздухом: это был замешанный на выхлопных газах запах Свободы. Я волен был идти туда и делать то, что считаю нужным, а не только то, чего от меня ожидают. Шли недели, но эйфория никак не спадала. Семнадцать лет я провел то в одном, то в другом неизменно крохотном помещении в компании забитой тени пустой женщины, бывшей моей матерью, и Отца. Впервые надежда на освобождение замерцала во мне. Все, что мне было нужно, – это финансовая независимость. Я стоял вечером на балконе, обдумывал свои планы найти подработку переводчиком или копирайтером и курил сигарету – необычайно вкусную оттого, что я мог курить ее не украдкой. В этот момент я и заметил нечто неладное. Как я уже говорил, дом этот длинный, и одна его сторона поворачивает буквой П, образуя небольшой дворик, так что я видел окна собственного дома практически напротив.

В каждом освещенном окне неподвижно стояли люди и смотрели во двор.

Я абсолютно ничего не понял. Машинально посмотрел на часы – 00:25. На улице совершенно точно не раздавалось никаких громких звуков, которые могли бы всех привлечь к окнам. Район вообще на удивление тихий. Горела где-то четверть всех окон, но все же достаточно много. И в каждом – каждом! – окне стояло по человеку, а кое-где несколько. Выглядело это почему-то достаточно жутко, и я так и не смог разобраться, на что все пялятся. Буквально через минуту все почти синхронно отошли от окон, затерявшись в глубине квартир.

III

Я не придал событию какого-то особенного значения. Но через пару дней картина повторилась полностью. На этот раз я уже стоял на балконе с сигаретой и банкой недорогого пива, когда в каждом из освещенных окон появилось по фигуре. От неожиданности я выронил наполовину выкуренную сигарету и слегка обжег пальцы. На часах было 00:34, и люди простояли у окон примерно 50 секунд.

На следующий вечер в полночь я стоял на балконе, переводя взгляд от окон на циферблат и обратно. В руках я держал телефон, желая сфотографировать аномалию. Это произошло в пятнадцать минут первого. В точности как и в предыдущие разы, люди одновременно подошли к своим окнам. Я успел сделать несколько снимков, но это оказалось по большому счету бесполезно: у меня купленная отцом исключительно для дела «звонилка», и ее камера снимает в темноте... да почти никак. И все же у меня в руках оказалось какое-никакое документальное

подтверждение творящейся в моем доме непонятной херни. Что с моими соседями? Что это вообще должно означать, какой-то безумный ритуал? Перекачивая фото на ноутбук, я вспомнил, что обыкновенный для картонных панелек гам, раздающийся за стенами, вроде бы почти затих на те секунды, когда в окнах появились фигуры. Хотя с балкона судить было сложно.

На следующую ночь я подтвердил свою теорию. В многоквартирных домах всегда, кроме глубокой ночи, шумят за стенами. Телевизор, ссора, топот сверху, справа кто-то брякает осточертевшие мне однообразные гаммы на пианино – хотя уже поздно для этого. В какой-то момент после полуночи – всегда в разное время в промежутке от 00:10 и до 01:00 – все, кроме телевизора и приглушенной российской попсы, словно отрезает. В окнах появляются фигуры. Стоят. Исчезают. И фоновый шум жизни большого дома возобновляется, как ни в чем не бывало.

Это значит, что и мои соседи по этажу, а также мои соседи сверху, каждую ночь принимают участие в шизоидной пантомиме: бросая все дела, подходят к окнам и смотрят во двор. Просто с моего балкона этого не видно. Когда я понял это, мне стало очень неудобно в моей новой квартире.

IV

Вытаскивая мусор, я познакомился со своей соседкой. Это самая обычная тетка. С дочерью и мужем живут через стенку, сами не так давно сюда переехали. Мы посмеялись над какой-то шуткой, я клятвенно пообещал не устраивать концерты и дебоши. Обычный треп ни о чем. И что, вот она тоже каждую ночь подрывается смотреть в окно, стоя перед ним как истукан?

У меня был план. Я стал в полночь выходить во внутренний двор здания. Мне хотелось понять, что привлекает там внимание всех этих странных людей, но во дворе не было абсолютно ничего. Днем там играли на площадке дети, на лавочке за сколоченным из досок столом балагурили престарелые мужички, а в хоккейной коробке ребята постарше изредка гоняли мяч. Ночью же весь район вокруг дома вымирал – и, в общем, как раз это не было особенно странным. Просто все сидели по домам: зажигались и гасли окна, во многих были видны цветные зарницы от экранов телевизоров.

Первый этаж дома полностью занят магазинами, аптеками и парикмахерскими, а на втором мне никак не удавалось как следует разглядеть стоящего там в «момент X» человека. Я выходил во двор несколько раз, до тех пор, пока однажды, патрулируя и вглядываясь в окна, в темном проеме на уровне второго этажа, лишенном всяких занавесок, не разглядел наконец вполне ясно стоящих женщину средних лет и маленькую девочку, чья голова едва торчала над краем рамы. Они стояли, неподвижные, вплотную к стеклу, неотрывно глядя прямо на меня, а губы их совершенно синхронно шевелились. Они произносили какие-то слова. Их большой взгляд в упор совершенно лишил меня самообладания, и я сбежал.

Следующей же ночью я вышел к освещенной редкими фонарями дороге, на другую сторону дома, закурил и стал выжидать. Дом вставал надо мной, как утес, растеряв всю уютную привычность, присущую панелькам. В воздухе этого места словно что-то изменилось. Да, в этот раз люди подошли к окнам на эту, внешнюю, сторону, чего раньше не случалось. Во всех до единого окнах – в темных тоже, а не только там, где горел свет, теперь-то я это понял – стояли люди, сотни людей, и смотрели они не куда-то во двор, как я почему-то сначала решил. Все это время все они смотрели прямо на меня. Стояли и смотрели, не отрывая глаз. И, наверное, синхронно что-то говорили. А спустя пол минуты отступили вглубь квартир, оставив покачиваться множество штор и занавесок. Полная тишина, и самые страшные тридцать секунд моей жизни.

V

Мне стали сниться кошмары. На балкон я больше не выходил, задернул плотные шторы и скрепил их найденными в ящике шкафа булавками. По подъезду утром и вечером буквально крался, и не чувствовал себя в безопасности, пока не отъезжал на метро на пару станций от своей. Я больше ни на грош не доверял вполне обыденным звукам за стеной: фортепиано, перфоратор, утренний кашель соседа на площадке, звук работы лифтов, отвратительная попка и топот детских ног – мне казалось фальшивкой буквально всё. Кто-то пытается меня обмануть, я упускаю что-то ужасно важное. Будучи достаточно замкнутым человеком, я еще не обзавелся в Москве приятелями настолько близкими, чтобы рассказать им о происходящем и попросить о помощи. Что вообще я мог рассказать, что мой дом целиком заселен сумасшедшими, что против меня действует заговор соседей? Вывод, очевидно, был бы обратный: псих тут только один, и это я. Но я не чувствовал и не чувствую себя психом. Только лишь человеком, наткнувшимся по своему невезению на какой-то ужас, скрывающийся под маской повседневности.

На свое «довольствие» я не мог переехать даже в хостел. В деканате мне объяснили, что раз я написал отказ от общежития, то больше претендовать на него не могу, все места распределены. Я собирался запостить рассказ обо всем этом в интернет, но мне нужно было больше данных. И, конечно, я ни на минуту не забывал про своего отца. Не пропускал ни единой пары и занимался достаточно прилежно, стараясь вдобавок меньше времени проводить в квартире. Поэтому я следил за жильцами дома только в выходные.

Они все оказались ненастоящими. Они не жили, а симулировали жизнь. Это стало мне очевидно достаточно скоро. Для проверки я пытался понаблюдать за жителями соседних домов, но это быстро наскучило: люди вели себя нормально и ничего не замечали. Чего нельзя сказать о существах, населяющих улей, замаскированный под дом. Улей, в котором я теперь жил.

Они выходили из дома и целеустремленно шли по своим важным делам. Садились в разнообразный общественный транспорт... и просто наматывали круги, глядя в окно. Ездили по кольцевой, совершали бессмысленные пересадки и возвращались. Заходили в магазины и выходили, ничего не купив. Ехали в центр, шли куда-то, затем просто разворачивались и ехали тем же маршрутом домой. Изображали оживленные разговоры по выключенным мобильникам – это я видел дважды. Насколько я мог судить, никто из них не работал, и к ним не приходили гости «извне». Дети! Дети с веселыми криками бегали друг за другом по площадке и лепили куличи в песочнице. Лепили и ломали раз за разом один и тот же куличик, с определенной периодичностью бегали по одной и той же траектории. Никто никого не салил. Не детская игра – имитация. Дом как замкнутая система, чьи жители осуществляют массу активностей – совершенно бессмысленных, но оставляющих впечатление обычной жизни у стороннего наблюдателя. Только я уже не был сторонним, и смотрел очень внимательно. Я стал подозревать, что от этого зависит моя жизнь, что мне просто необходимо понять, что тут происходит.

В природе есть небольшие жучки, называемые ломехузами. Попадая в здоровый муравейник, они откладывают там свои яйца. Жучок выделяет некое вещество-эйфоретик, подпаив под воздействие которого муравьи теряют способность действовать и соображать. Они теряют интерес и к жуку, и ко всему вообще, прекращают работать и искать еду, бродят кругами без дела. Яйца ломехуз неотличимы от муравьиных, а когда из них появляются личинки, одурманенные муравьи продолжают кормить их, как своих. С виду пораженный муравейник выглядит совершенно как обычный, но стоит лишь внимательно приглядеться, как становится очевидно, насколько неправильно пошла здесь дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.